Глава 728: Разговор в снежную ночь

Холод был еще более сильным в поздней ночи. Слои льда и снега, окружающие заброшенный колодец, были твердыми, как камень.

На краю колодца появилась маленькая рука, белая и чистая под лампами, сияющими от Имперского Города. Даже весь снег в небе не мог быть настолько белым или холодным, как эта рука.

Маленькая рука надавила, снег зашелестел рассыпаясь, и девочка выбралась из колодца. Это зрелище было очень похоже на определенную историю ужасов.

Девочка стояла в снегу. Когда ее дыхание сталкивалось с воздухом, оно преобразовывалось в обволакивающий туман кристаллов. Не потому, что ее дыхание было горячим, а потому, что оно было слишком холодным.

Она была одета в черное платье, немного потрепанное и очень старое. Оно создавало выделяющийся контраст с этим миром белого снега.

Спустя несколько столетий Чжичжи наконец-то покинула тот мрачный и, по крайней мере для нее, особенно стесненный подземный мир, вновь ступив в мир людей.

Мир людей в настоящее время давным-давно забыл ту особенно безжалостную Черную Морозную Драконихи многих лет назад, и она тоже находила мир людей невероятно странным.

Ее духовная душа однажды была силой извлечена из ее тела дракона Божественной Императрицей Тяньхай и помещена в черный нефритовый жуи, чтобы она смогла сопроводить Чэнь Чаншэна в Сад Чжоу. В этот период времени она увидела улицы столицы, зеленые деревья у озера, шум и гам в Вэньшуе, и ту аллею под сумерками. Однако, всё, представшее перед ее глазами сейчас, все еще было очень странным.

Она более не была духовной душой, она была настоящей и полной.

Ее босые ноги могли ясно ощущать мягкость и теплоту снега.

Кончики ее волос могли ясно ощущать мягкое и приятное касание зимних ветров.

Она могла использовать свои глаза, а не свое сознание, чтобы видеть настоящий снег. Она даже могла видеть настоящее звездное небо за облаками снега. Ах, бесчисленные звезды - даже спустя сотни лет вы все на тех же местах, все так же сияете тем же прекрасным серебристым светом. Но будет ли мой родной город южных островов обладать тем же старым внешним видом?

Чувство странности и чувство реальности непрерывно пересекались и сталкивались друг с другом в ее мыслях, в итоге превращаясь в самое настоящее чувство робости.

У нее не было идеи о том, что в ближайшем будущем она станет новейшей легендой мира людей, хотя ее существование, как благородного и могущественного дракона, само по себе было легендой для человечества. Она боялась этого странного мира.

Этот мир был миром людей, человеческим миром с множеством людей, а люди были тем, чего она боялась больше всего.

Любое существо, благородное или низменное, могущественное или слабое, в свой самый слабый и напуганный момент всегда искало знакомой для себя поддержки. Этой поддержкой могло быть дерево, камень или, возможно, окно, и это даже мог быть человек.

Разум Чжоу Туна на грани смерти был ослеплен, поэтому он только знал, что надо ползти к аллее Северного Военного Департамента.

В это время в ее мыслях тоже было только одно имя: Чэнь Чаншэн.

Чэнь Чаншэн был тем существом в мире, с которым она была лучше всего знакома, и которому она больше всего доверяла. К тому же, по нескольким причинам, тайным для нее, она твердо верила, что он должен был взять на себя ответственность за нее. Поэтому, когда она пришла в чувства, она без колебаний начала двигаться к соседней Ортодоксальной Академии, ее босые ноги оставляли отчетливый след на снегу.

.....

.....

Ортодоксальная Академия и соседствующий Сад Сотни Растений были под усиленной охраной. Кавалерия Ортодоксии и войска Имперской Стражи запечатали весь блок. Обе стороны молча смотрели друг на друга со своих соответствующих лагерей, атмосфера между ними была невероятно напряженной. Никто не знал, что может произойти дальше.

Ситуация в столице постоянно менялась. После того, как Поп вернулся к морю звезд, все еще было невозможно сказать, чего желали люди, но их оценки постепенно начинали склоняться к Имперскому Двору. Учителя и студенты покинули Ортодоксальную Академию в больших числах, оставив только треть изначального количества. Восемнадцать учениц Храма Южного Ручья и Су Моюй, естественно, остались, но все они понимали, что для них будет невозможно повлиять на то, что произойдет дальше. Единственные два человека, которые действительно могли решить конец всего этого, сейчас были под большим баньяном у озера.

Никто в столице не мог спать сегодня, потому что многие люди знали, что учитель и ученик проводили свои последние переговоры.

Снежные бури за последние несколько дней были довольно бурными. Ортодоксальная Академия, как и все другие места в столице, была похоронена под плотной мантией снега. Мертвая трава у озера была полностью погружена в снег. Только в некоторых немного просевших местах можно было заметить несколько кончиков мертвой травы, излучающих ауру упрямства.

Большой баньян давным-давно сбросил листья, но его голые ветви все еще были крепкими, как и всегда, достаточно твердыми, что несколько людей могло стоять на них.

Чэнь Чаншэн стоял не на дереве, а на покрытой снегом земле под ним, как и его учитель, который тоже стоял в снегу.

Это был первый раз, когда учитель и ученик встретились после того утра в Мавзолее Книг. В тот день они прошли мимо друг друга на Божественном Пути, как незнакомцы, глядя мимо друг друга. В этот раз их взгляды встретились, так что каждый из них мог ясно сказать, как другой изменился с того периода времени в Храме Синин.

Чэнь Чаншэн уже был Попом, но он не носил Божественную Робу и Божественную Корону, и не

сжимал в руках Божественный Посох. Вместо этого он был в форме Ортодоксальной Академии, его волосы были тщательно причесаны в простейший пучок волос даосистов. В его черных волосах была не какая-то драгоценная эбонитовая заколка, а обычная деревянная палочка.

У Шан Синчжоу были черные волосы без малейшего намека на седой волос, которые также были тщательно причесаны. На его лице была благородная и собранная аура, излучающая неописуемую элегантность и легкость. Однако, его одежда была очень простой: просто синяя даосская роба. Он не казался верховным индивидом текущей эры, а был похож на обычного даосиста.

Если кто-то увидит это зрелище, у него возникнет впечатление, что с определенной перспективы этот учитель и его ученик были очень похожи. Это было не просто внешнее сходство, но и глубокий оттенок безразличия в их лицах и то чувство неприязни, скрытое под их спокойным внешним видом.

Чэнь Чаншэн приготовился открыть рот и начать говорить, но осознал, что у него не было и малейшей идеи, что сказать.

Уже прошло несколько лет с тех пор, как он в последний раз говорил с человеком, стоявшим напротив него. Для культиваторов несколько лет были очень коротким промежутком времени, но он все еще чувствовал, что он был очень длинным, настолько длинным, что память о Деревне Синин и том старом храме уже стала немного туманной. По крайней мере, уже стало трудно вспомнить определенные вещи.

Он все еще мог отчетливо вспомнить пестрые точки на стенах старого храма после того, как даосские писания были перемещены. Юноша все еще ясно помнил, что в ту ночь, когда он уходил, его старший брат приготовил четыре блюда из овощей. У каждого из этих блюд был свой вкус и стиль, и в каждом из них было много чеснока. Но он не мог вспомнить свой последний разговор с учителем.

В это время Шан Синчжоу заговорил.

«Я подобрал тебя из ручья. Хотя я заранее знал, что ты появишься в ручье, без меня ты бы утонул в водах ручья или был бы съеден старым драконом. В общем, я спас твою жизнь и вырастил тебя, поэтому твоя жизнь - моя».

Эта ночь была последней ночью, завтра будет новым днем, новым днем, как и бесчисленные новые дни до него, но первым днем для нового континента. Этот разговор в снегу решит, смогут ли люди столицы и весь континент провести завтра так же, как и в прошлую сотню лет, мирно и счастливо приветствуя восходящее солнце нового года.

Никто не мог представить, что этот разговор начнется так внезапно и продолжится так, что пролог покажется эпилогом.

http://tl.rulate.ru/book/1222/220547